

Помнить, чтобы идти вперед

Нгуен Чунг Киен (Институт геологических наук Вьетнамской академии наук и технологий, kien.mgri@gmail.com), Фоменко И.К. (МГРИ, ifolga@gmail.ru)

Первый день

Вадим Владимирович Пендин - мой лучший учитель. День нашей первой встречи - это особенное воспоминание. Я не могу точно вспомнить дату, но это точно был конец декабря 2014 года (рис.1).

Рисунок 1. Первая встреча с профессором Вадим Владимировичем Пендиным (декабрь 2014 г.).

Я, как и многие вьетнамские студенты, не говорил по-русски. Приезжая учиться в Россию, мы изучаем русский язык в МАДИ. После двух месяцев изучения, я использовал свои познания в русском языке, чтобы позвонить ему. Мы договорились о встрече в его кабинете. Я пригласил своего лучшего друга Туан Ань на эту встречу в качестве переводчика. Когда я приехал в МГРИ, я очень нервничал и волновался. В первый раз, перед встречей с Вадим Владимировичем, я очень нервничал, у меня сильно билось сердце и дрожали ноги. Но это чувство быстро исчезло. Потому что я понял, что он очень нежный и добрый. Я не могу забыть его слова поддержки в тот день. Слова, которые побудили меня преодолевать трудности, помогли мне стать намного увереннее.

28 июня 2018 года под руководством Вадима Владимировича Пендина я успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Научно-методические основы региональной оценки риска от оползневых процессов (на примере района северо-западный Лаокай, Вьетнам)» (рис. 2), а ровно через год его не стало.

И сейчас, сталкиваясь с трудностями, я вспоминаю первый день встречи с Вадимом Владимировичем и это делает меня сильнее и целеустремленнее. Окончания не будет. Я так ему должен!

Рисунок 1. День защиты диссертации (28 июня 2018 г.).

Способность удивлять

Какая первая ассоциация приходит мне на ум при воспоминании о Вадиме Владимировиче Пендине – это способность удивлять. Он был удивительным руководителем, удивительным учителем, удивительным ученым и просто удивительным Человеком.

Я познакомился с ним десять лет назад, в тепер уже далеком 2011 году. Начало года выдалось печальным для инженерной геологии. 13 января 2011 года не стало Марселя Арнульда, соучредителя IAEG, ее генерального секретаря (с 1964 по 1972 год), а затем президента (с 1972 по 1978 год (в 1978 году президентом IAEG стал Е.М. Сергеев), а спустя три дня (16 января 2011) ушла из жизни Галина Андреевна Голодковская.

В то время я находился в глубокой депрессии, связанной вероятно с «кризисом среднего возраста». Чтобы как то изменить ситуацию я решил написать докторскую диссертацию. Если быть честным, я пытался делать вид, что занят чем то полезным. Именно по поводу написания диссертации я и договорился о встрече с Вадимом Владимировичем. Впрочем, особых иллюзий я не питал. Учитывая тот факт, что на написание кандидатской диссертации мне потребовалось восемь лет, написание докторской должно было стать «делом всей жизни», да и то при благоприятном развитии событий. Каково же было мое удивление, когда спустя два часа после общения с ним, я не только знал, что мне надо делать, но и был уверен в том, что я защищу диссертацию в ближайшие три года. Что и произошло в 2014 (спустя сто лет с момента издания первого учебника по инженерной геологии (Ries and Watson, 1914), а в следующем году вышла наша монография «Методология оценки и прогноза оползневой опасности» (рис.3).

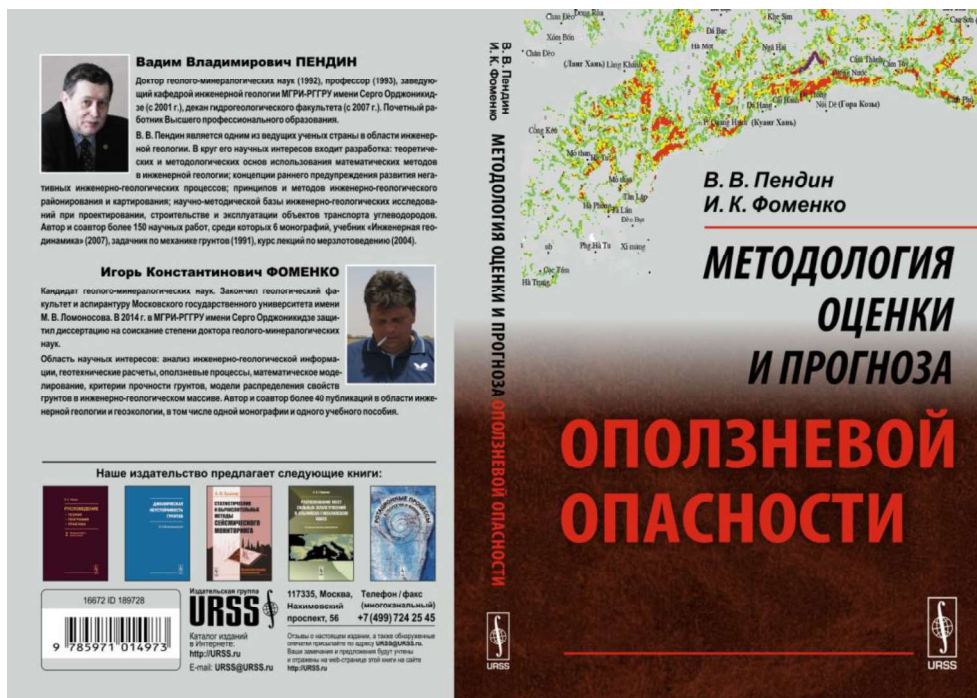

Рисунок 3. Первый вариант обложки монографии «Методология оценки и прогноза оползневой опасности».

Общение с Вадимом Владимировичем вызывало у меня удивительное чувство. В процессе непринужденной беседы с ним я отдыхал душой и, в то же время, я познавал что-то новое, обретал знания и мотивацию к научной работе. Большинство встреч завершались практическим результатом и совместными статьями (по данным Researchgate более 30 совместных публикаций, по данным eLibrary - 25). Не менее удивительным является то, что подобные чувства испытывали многие при общении с ним.

Удивительным является то, что он делал только то, что считал правильным. Это наглядно проявляется в той роли, которую он сыграл в сохранении МГРИ как самостоятельного ВУЗа. Эта история, как и все связанное с Вадимом Владимировичем сама по себе удивительна. Как сказал еще один из ее участников: «Есть официальные версии, а есть реальные события». Вадим Владимирович был инициатором реальных событий, которые позволили сохранить МГРИ, и то что официальная версия об этом умолчала для него не было важным. Для него был важен конечный результат без которого не было бы ни каких «официальных версий».

Удивительным является научное наследие Вадим Владимировича. Он опубликовал более 150 научных работ, среди которых 5 монографий. Его исследования связанные с разработкой теоретических и методологических основ использования математических методов для количественного анализа информации в инженерной геологии опередили свое время и являются существенно недооцененными, но я уверен, их время еще настанет.

В последние наши встречи мы с ним активно обсуждали Историческую инженерную геологию. Он понимал под ней не изучение инженерно-геологических условий исторических памятников, а понимание закономерностей формирования

культурного слоя старых городских агломераций. Под культурным слоем в археологии понимаются напластования земли, образовавшиеся в результате многообразной созидательной и разрушительной деятельности человека. Условия накопления культурного слоя в городе могут быть специфическими в соответствии с естественно исторической обстановкой.

Для многих городов мощность культурного слоя может достигать первые десятки метров. Так, например, мощность культурного слоя в Москве достигает 24 метра, Одессе и Киеве до 44 метров, Перми - 40 метров, Таганроге - 25 метров, Ростове-на-Дону - 25 метров, Воронеже - 20 метров, Ташкенте - 18 метров, Волгограде - 17 метров, Новгороде - 14 метров, Саратове - 12 метров, Санкт-Петербурге - 10 метров, Лондоне - 25 метров, Париже - 20 метров, Сан-Франциско - 23 метра (Котлов, 1976).

Его идея была на удивление проста - изучая инженерно-геологические условия подобных территорий инженеры геологи игнорируют генезис грунтов «культурного слоя», который связан с историей развития отдельных городских районов, при этом именно данные грунты являются основанием зданий и сооружений при реконструкции или, как сейчас модно говорить – реновации городских территорий.

К сожалению, развитие данной темы осталось без продолжения. К сожалению, без продолжения остались многие его начинания. Вместе с Вадимом Владимировичем Пендиным, Генрих Кондратьевичем Бондарик и Виктор Викторовичем Дмитриевым ушла целая эпоха и это относится не только к МГРИ, но и ко всей отечественной инженерной геологии. Пришло новое поколение и будущее инженерной геологии, в это не простое время, зависит от нас. И пока мы помним у инженерной геологии есть шанс.